

СИСТЕМНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ФЕНОМЕНА МЯГКОЙ СИЛЫ

НИКОЛАЙ ЮДИН

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Понятие «сила» принадлежит к числу ключевых и одновременно наиболее дискуссионных в теории международных отношений. Введение Дж. Наем в научный оборот концепции «мягкой силы» и последовавшие за этим споры лишь усугубили ситуацию терминологической неопределенности вокруг данного понятия, фактически подведя ее к черте, за которой начинается эпистемологический релятивизм. В данной статье предпринимается попытка обозначить общие подходы к формулированию системного определения концепции «мягкой силы», которое позволило бы, с одной стороны, провести грань между «мягкой» и «жесткой силой», а с другой – показать их структурную взаимосвязь и взаимозависимость в рамках внешнеполитической деятельности игроков на международной арене. В первой части статьи автор рассматривает два основных подхода к определению сущности и природы силы в международных отношениях, разработанных в западной литературе: ресурсо-ориентированный (атрибутивный) и контексто-ориентированный (поведенческий). Анализируя их достоинства и недостатки, автор приходит к выводу, что контексто-ориентированный подход обладает большим потенциалом с точки зрения объяснения и изучения силового взаимодействия между субъектами на мировой арене.

Во второй части уточняются и развиваются базовые положения этого подхода, благодаря чему открывается перспектива преодоления его ключевого недостатка, связанного с определением рамок контекстного анализа. Автор подчеркивает целеориентированный характер поведения участников мировой политики и формулирует на этой основе определение «мягкой силы» как особой формы силового воздействия, направленной на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, неявного влияния на объект, в качестве которого выступают широкие слои населения, отдельные группы внутри него и неправительственные организации, а также структура международных отношений в целом. При этом подчеркивается несводимость силы субъекта к его ресурсам и необоснованность утверждений о существовании неких особых «ресурсов мягкой силы».

В завершение подытоживаются основные положения авторской гипотезы и намечаются пути для ее дальнейшего развития и верификации.

Ключевые слова:

теория международных отношений; «мягкая сила»; «жесткая сила»; национальные интересы, ресурсоориентированный подход; контексто-ориентированный подход; системный подход; Дж. Най.

Как и большинство категорий, используемых в социально-гуманитарных науках, понятие «силы» в теории международных отношений не имеет устоявшегося, общепринятого определения. Такое положение объясняется рядом объективных обстоятельств. По мере углубления и уточнения наших представлений о закономерностях

развития международных взаимодействий постоянно усложняется и обогащается категориальный аппарат международно-политической науки. Тем более что международные отношения по природе своей представляют изменчивую реальность, которая далеко не всегда вписывается в теоретические построения.

Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

Для связи с автором / *Corresponding author:*
Email: nicolas.yudin@gmail.com

Однако на эти объективные обстоятельства накладываются и субъективные факторы. Многие современные отечественные и зарубежные исследования, так или иначе посвященные проблематике силы в международных отношениях, отличаются небрежностью формулировок, отражающей не столько упомянутые выше объективные трудности, сколько недостаточный уровень научной рефлексии.

Последний тезис можно проиллюстрировать ситуацией, сложившейся в международно-политической науке вокруг концепции «мягкой силы», сформулированной американским ученым Дж. Наем в начале 1990-х годов. В современных отечественных исследованиях можно встретить самые различные определения «мягкой силы» (причем зачастую в рамках работ одного автора). Ее характеризуют как ресурс внешней политики [Леонова 2013; Паршин 2013: 21; Королев, Владимирова, Трунина 2014]; как тип власти, который основывается на использовании нематериальных ресурсов [Панова 2010: 91]; как совокупность внешних и внутренних факторов государства [Леонова 2013: 29]; как впечатление, мотивирующее действие и побуждающее к действию; как феномен, который возникает в процессе политического и социокультурного взаимодействия стран [Леонова 2014: 18, 23–24]; как совокупность процесса трансляции гуманитарных ресурсов страны, его результата и их следствия в их диалектическом взаимодействии и единстве [Леонова 2015: 89]; как сложную многоуровневую систему, которая позволяет государству решать свои тактические и стратегические задачи на международной арене на официальном и неофициальном направлениях [Филимонов 2013: 10].

В некоторых исследованиях термин «мягкая сила» употребляется как синонимичный понятиям «национальный (страновой) брэндинг», «национальная репутация», «национальный имидж» [Паршин 2013: 29; Королев, Владимирова, Трунина

2014]. Некоторые специалисты вообще отказывают «мягкой силе» в праве называться научной концепцией в строгом смысле этого слова [Русакова 2010].

Такое разнообразие определений, трактовок и прочтений, далеко выходящее за рамки допустимой понятийной плюралистичности, с точки зрения теории международных отношений способно иметь несколько важных следствий. *Во-первых*, оно свидетельствует о необходимости дальнейшей рефлексии над феноменом «мягкой силы». *Во-вторых*, оно порождает сомнения в эпистемологическом потенциале концепции Дж. Наея как таковой, ее соответствии требованиям, предъявляемым к научным, логически стройным конструкциям. Наконец, *в-третьих*, противоречивость и пестрота определений этой частной категории может привести к размыванию понятия «силы» в международных отношениях в целом¹. Другими словами, концепция «силы» оказывается исключительно релятивистской, лишенной объективных, универсальных оснований.

Впрочем, подобный вывод поспешен. В данной статье предпринимается попытка наметить общие подходы к формулированию *системного* определения концепции «мягкой силы» в рамках сложившихся в теории международных отношений трактовок «силы» в мировой политике.

1

Речь прежде всего идет о многолетней дискуссии, ведущейся в западной политологии, о природе и сущности силы, способах ее оценки и измерения [Mattern 2008]. В ней выделяются два крупных направления. Хронологически первым был подход, который можно обозначить как «ресурсоориентированный» (атрибутивный). Он характерен для реалистской парадигмы теории международных отношений [Morgenthau 1967; Sprout H., Sprout M. 1945; Waltz 1979] и рассматривает силу государства на международной арене в качестве совокупности

¹ Раз «мягкая сила» не поддается точному определению, то и, соответственно, «жесткая сила», как ее антитеза – тоже.

сравнительно легко измеряемых, преимущественно материальных факторов: площади территории, численности населения и армии, экономического потенциала, природных ресурсов.

Именно этот подход лежит в основе концепции баланса сил, являющейся одной из фундаментальных для теоретических построений реалистов. Раз сила представляется совокупностью измеряемых ресурсов, то можно ранжировать государства по этому интегральному показателю. Из этой же предпосылки следует вывод о том, что виды силы можно типологизировать и систематизировать в соответствии с теми ресурсами, на которых они основаны [Давыдов 2004].

Главной с точки зрения теории международных отношений отличительной особенностью ресурсо-ориентированного подхода остается представление о том, что каждый субъект обладает силой безотносительно к взаимодействию с другими. Иными словами, сила – это такой же непреременный *атрибут* национального государства, как, например, четкие границы или суверенное правительство (просто у одних силы больше, а у других – меньше). Развивая эту мысль, можно заключить, что и каждый отдельный вид силы, в свою очередь, является атрибутом или частным силовым *ресурсом* игрока.

Именно этот подход к определению «мягкой силы» – во многом «с легкой руки» Дж. Найя [Юдин 2014] – занял господствующее положение в политологических исследованиях. Из статьи в статью кочует ее определение как особого внешнеполитического ресурса, в основе которого лежат такие нематериальные источники, как культура, ценности, внешняя политика, и который отличается тем, что его особенно сложно наращивать, а вот потерять, наоборот, можно в одно мгновение [Паршин 2014: 16–19].

Исходя из этой трактовки создаются все новые и новые индексы и рейтинги, призванные измерить, оценить и сравнить «мягкую силу» государств на международной арене (например, *The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power*² или разработанный при участии Московской школы управления «Сколково» *Rapid-Growth Markets Soft-Power Index*³).

При этом практически нигде нельзя встретить сколько-нибудь внятного объяснения, можно ли рассматривать «мягкую силу» в качестве ресурса. Такой вопрос, как правило, вообще не поднимается, а если и ставится, то ответ на него дается крайне приблизительный [Паршин 2013: 29].

Популярность ресурсо-ориентированного подхода объясняется тем, что он предлагает сравнительно четкий и верифицируемый универсальный набор параметров/элементов и моделей их взаимосвязи в рамках системы, который можно применить для достаточно убедительного объяснения механизмов развития международных отношений в прошлом и настоящем.

В то же время эта простота и универсальность граничат с редукционизмом – прямолинейным ассоциированием силы игрока (прежде всего – государства) с его ресурсами. Этот редукционизм выносит за скобки такие проблемы, как трансформация ресурсов в успешные политические действия или способы реализации силы на международной арене [Baldwin 2013]. Кроме того, он не позволяет даже убедительно классифицировать силу по ее отдельным видам (военная, экономическая и т.д.), или формам («жесткая» и «мягкая сила») [Юдин 2014].

Второе крупное направление возникло на волне критики реализма во второй половине XX в. и представляет собой в известной степени его отрицание [Lasswell, Kaplan 1950; Dahl 1963; Nagel, 1975 Baldwin 1989; Baldwin 2013]. Присущий ему подход к

² McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power // Institute for Government. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20persuaders%20III_0.pdf [accessed: 23.02.2015].

³ Ernst&Young, Moscow School of Management Skolkovo. Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012. P. 7–9. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf [accessed: 23.02.2015].

определению «силы» можно назвать «контексто-ориентированным» (встречаются также определения «бихевиоральный», «поведенческий», «релятивистский»).

Его сторонники подчеркивают несводимость силы субъекта к его ресурсам и, как следствие, отрицают ее самостоятельный субстанциальный статус — вне взаимодействия игроков «силы» в международных отношениях не существует. Она не является неотъемлемым *атрибутом* субъекта, действующего на международной арене, а возникает только в процессе конкретного взаимодействия и только его и характеризует.

С точки зрения контексто-ориентированного подхода выражение «государство X обладает силой» лишено смысла. Оно обретает значение только в том случае, если четко определяется *контекст*. Его уточнение предполагает ответ на вопросы: *кто* обладает силой над кем, где, когда, в какой степени [Най 2014]. Поэтому на первый план выдвигается задача максимально полного и подробного анализа каждого конкретного случая силового взаимодействия.

Дело вовсе не идет об отрицании или принижении значения ресурсов в формировании политики субъекта. Не вызывает сомнений тот факт, что чем больше у него ресурсов и чем разнообразней они по видам, тем больше возможностей трансформировать их в успешные политические действия. Эпистемологическое значение контексто-ориентированной парадигмы силы заключается в другом: она разграничивает понятия «ресурс» и собственно «сила» (или — в этом контексте — потенциал).

Если вернуться и посмотреть с этой точки зрения на упоминавшиеся индексы, то становится понятно, что они не имеют отношения к измерению собственно «мягкой силы». Они позволяют оценить, да и то с многочисленными оговорками, либо

приблизительно-обобщенный уровень привлекательности образа субъекта, либо примерное, усредненное состояние его ресурсов. Но они не могут сказать о *способности* игрока использовать эти ресурсы для решения конкретных задач [Най 2014: 56; Паршин 2013: 17]⁴. Иными словами, приведенные рейтинги и индексы позволяют в лучшем случае оценить *потенциал* «мягкой силы» государства, но никак не ресурс его «мягкой силы», то есть то, что позволяет успешно действовать и воздействовать на других во исполнение стоящих перед игроком внутри- и внешнеполитических задач.

Теоретически контексто-ориентированный подход открывает перспективы для комплексного изучения всех аспектов силового взаимодействия на международной арене, в том числе проблем трансформации и способов реализации силы. Однако установка на максимально точное определение контекста представляется не только главным достоинством этого подхода, но и, как ни парадоксально, одним из основных его недостатков. Следование этой установке чревато абсолютизацией уникальности каждого отдельного случая, утверждением идеи о его несопоставимости с другими, что в конечном счете ставит под вопрос перспективу выведения закономерностей, построения обобщающих моделей и теорий.

2

Несмотря на то что оба подхода обладают недостатками, контексто-ориентированный все же наделен большим эпистемологическим потенциалом. Главная проблема, которая встает перед специалистами, придерживающимися этого подхода, заключается в поиске и разработке такой методологии исследования, которая позволяла бы, с одной стороны, полно отразить

⁴ Bryane M., Harwell C., Nureev B. Soft Power: a double-edged sword? // BRICS Business Magazine. URL: http://iems.skolkovo.ru/images/2014_Soft_Power_Index_RUS.pdf [accessed: 23.02.2015]; Ernst&Young, Moscow School of Management Skolkovo. Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012. P. 7–9. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf [accessed: 23.02.2015]; McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power // Institute for Government. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20Persuaders%20III_O.pdf [accessed: 23.02.2015].

специфику частного, а с другой – задать основу для обобщения и сравнения.

Для того чтобы решить эту проблему, следует присмотреться к самому процессу определения контекста, который служит неременной предпосылкой и основой для последующего анализа. Он предполагает выявление большого числа неизвестных переменных, список которых теоретически можно продолжать до бесконечности. Однако в этом множестве выделяются как уникальные, присущие исключительно конкретной ситуации элементы, так и компоненты повторяющиеся, которые присутствуют в любом силовом взаимодействии. Последние представляют собой своеобразные константы международных отношений, и именно их следует типологизировать, чтобы выявить устойчивые модели взаимодействия на международной арене, сформулировать на этой основе системную методику анализа контекста.

Эта методологическая установка ставит перед исследователями новую проблему: нахождения и определения постоянных. Для ее решения следует проанализировать природу силового взаимодействия между субъектами на международной арене. При всех ситуативных особенностях оно всегда носит *целесообразный характер* [Хрусталева 2015: 25, 61, 145]. Действия каждого игрока обусловлены рациональными целями [Байков 2014: 39; Кондратов 2011: 97]. Соответственно, выявление цели и задач субъекта – неременный элемент определения контекста.

В самом первом приближении цели субъекта на международной арене можно разделить на *стратегические*, непосредственно обусловленные национальными интересами, и *тактические* (разумеется, существуют и более нюансированные и сложные модели [Хрусталева 2015: 151], но в данном случае они избыточны, так как в статье важно показать общую логику предлагаемой концепции). Одной из главных стратегических целей любого субъекта, и здесь мы полностью разделяем воззрения сторонников неореалистской школы, остается обеспечение собственной безопас-

ности, включая военно-политические, экономические и культурные ее аспекты. Эта цель постоянна и лежит в основе внутри- и внешнеполитических действий субъекта.

Вместе с тем достижение стратегических целей требует решения тактических задач. Процесс формулирования игроком своих тактических целей может быть описан с помощью теории структуризации, предложенной современным социологом Э. Гидденсом и легшей в основу конструктивистского подхода к изучению международных отношений. По мнению исследователя, «структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью» [Гидденс 2005: 70].

Применительно к международным отношениям эту теорию можно сформулировать следующим образом: они представляют собой непрерывный процесс взаимодействия (и одновременно оценки и переоценки этого взаимодействия) субъекта с другими игроками и средой [Wendt, 1987 350–359]. Этот процесс включает в себя два этапа: вызов и реакцию на него со стороны игрока [Кондратов 2011: 97]. При этом оценка вызова и реакция на него одного субъекта в свою очередь становятся элементом структуры и вызовом для других участников, требуют от них соответствующей реакции. Круг замыкается. Именно процесс диагностирования внешнего вызова и становится моментом формулирования игроком тактических целей.

Эта объективно сложная, в силу своей динамичности и непрерывности, аутопозная система дополнительно отягощается целым комплексом субъективных факторов. *Во-первых*, оценка и интерпретация внешнего вызова игроком изначально носят субъективный характер. *Во-вторых*, перед лицом внешнего вызова государство практически никогда не оказывается внутренне монолитным, в нем всегда происходит борьба различных интересов, и итоговый ответ, как правило, становится следствием компромисса.

В результате сочетания этих объективных и субъективных факторов в каждый конкретный момент времени государство на международной арене оказывается перед лицом целого комплекса тактических задач. В то же время их разнообразие не означает бесконечной вариативности. Границы этому множеству задает, *во-первых*, ограниченный набор стратегических целей (главной из которых остается обеспечение безопасности субъекта), которым подчинены все тактические цели. *Во-вторых*, рациональный характер этих целей. Мы исходим в рассуждениях из логического допущения, что они лежат в поле традиционной политической рациональности и основаны на общепризнанных юридических нормах и принципах, что придает действиям игроков известную предсказуемость. Наконец, *в-третьих*, ограниченность множества целей определяется самой структурой международных отношений [Кондратов 2011: 96].

В грубом приближении эти вызовы можно разделить по степени их интенсивности: на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные – и по степени их опасности: на глобальные, которые несут прямую угрозу безопасности и выживанию государства, и локальные, затрагивающие отдельные сферы его интересов. Вызов неизбежно порождает реакцию со стороны субъекта.

Она включает в себя два этапа: *оценку* вызова и ответное *действие*. Оценка субъектом характера вызова в категориях опасности и интенсивности ведет к формулированию им своих целей на международной арене, которые, соответственно, делятся на: краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные; стратегические и тактические. Она также включает в себя аудит имеющихся в распоряжении ресурсов. Как мы отметили выше, по природе своей такая оценка субъективна и может быть адекватной или неадекватной вызову.

Целеориентированное действие субъекта, представляющее собой его реакцию на вызов, и составляет суть феномена силы в международных отношениях. Таким образом, мы можем дополнить характерную для контексто-ориентированного подхода

трактовку силы как особого типа отношений, возникающих между государствами, следующим определением: **сила** – это понятие, которое характеризует процесс целеориентированного взаимодействия между игроками (или агентом и структурой) на международной арене. Этот процесс включает в себя оценку вызова, принятие решения об ответе на него и трансформацию ресурсов в целенаправленные политические действия (собственно ответ).

Хотя в зависимости от объективного характера вызова и его субъективной интерпретации субъектом, ответная реакция может принимать весьма разнообразные формы. Возможные варианты реагирования можно, в конечном счете, свести к двум наиболее общим, описываемым с помощью понятий «жесткой» и «мягкой силы». Неизбежно встает вопрос, как на практике разграничить эти две формы силового воздействия. Ответить на него можно с помощью короткой формулы: чем более срочным и опасным в глазах игрока представляется вызов, тем более жесткой становится реакция на него.

Если применить этот подход к выделенным нами типам целей, то можно вывести следующие определения:

– **«жесткая сила»** – это особая форма силового взаимодействия, отличительной чертой которой является направленность на решение кратко- и среднесрочных тактических задач путем прямого («силового») воздействия на объект;

– **«мягкая сила»** – это особая форма взаимодействия, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, неявного воздействия на объект. Использование «мягкой силы» направлено на «санацию» окружающего государства пространства – минимизацию рисков появления непосредственных вызовов, масштабных угроз, требующих более затратного реагирования, применения «жесткой силы».

К этому следует добавить и разницу в объектах, на которые направлены две формы силового воздействия. С учетом ориен-

тированности «жесткой силы» на получение быстрого результата (к чему располагает срочный характер вызова, на который она призвана отвечать), таковыми становятся другие субъекты в лице их руководящих институтов (правительства, партии, политические элиты и т.д.). Именно от них можно оперативно добиться благоприятных решений. Объектом воздействия «мягкой силы», в силу ее ориентированности на долгосрочные, структурные задачи, чаще остаются либо широкие слои населения, отдельные группы и неправительственные организации внутри него, либо структура международных отношений в целом (в этой связи конструктивным представляется предложение А. Уолферсом разделение специфических и структурных целей игроков [Wolfers, 1962: 73–77]).

Перечисляя различия между «жесткой» и «мягкой силой», важно не упустить из виду одно принципиально важное положение: они не распространяются на ресурсы, на которые опираются эти формы силового взаимодействия. Не существует таких ресурсов субъекта, которые могли бы быть основой только одной формы воздействия. Иными словами, не существует специфических «ресурсов мягкой силы» или «ресурсов жесткой силы». Каждый участник международных взаимодействий (неважно, государственный или негосударственный) обладает запасом материальных и нематериальных ресурсов. И «жесткая», и «мягкая сила» в зависимости от контекста, в зависимости от его целей могут происходить из задействования любого типа ресурсов, имеющихся в его распоряжении, а чаще всего — из их сочетания.

* * *

Предложенная схема не претендует в нынешнем виде на статус полноценной теории, ее правильнее было бы воспринимать как научную гипотезу, призванную проиллюстрировать проблему определения силы в международных отношениях, которая нуждается в дополнительной проработке.

Она обладает своими достоинствами и недостатками. К первым можно отнести ее

системный характер. Она не только открывает перспективы для разрешения главной проблемы контексто-ориентированного подхода, связанной с установлением рамок контекстного анализа, за счет акцентирования целеориентированного характера взаимодействий на международной арене, но и позволяет установить системную связь между различными элементами контекста, которые предстают не просто как набор материальных и нематериальных переменных, а как взаимосвязанная структура.

Второе достоинство данной гипотезы: ее сугубо прагматический характер. Она предполагает реалистичное рассмотрение «жесткой» и «мягкой силы» как абсолютно равноправных форм воздействия, имеющих каждая свою область применения. Бесперспективно пытаться отвечать на экстренный вызов, таящий в себе прямую и непосредственную угрозу национальным интересам проповедью мира. Высказанная гипотеза показывает бессмысленность распространенных в последнее время в отечественной и зарубежной политологии рассуждений о снижении роли «жесткой силы» в международных отношениях в связи с «изобретением» иного вида воздействия и развитием процессов глобализации [Давыдов 2004: 71; Панова 2010: 91]. Непосредственный характер вызова требует немедленного и жесткого ответа. До тех пор, пока субъекты на международной арене будут сталкиваться с экстренными угрозами своей безопасности, «жесткая сила» не потеряет своей актуальности и значимости [Байков 2014: 37].

Конечно, многие проблемы, затрагиваемые в статье, нуждаются в дополнительной проработке и уточнении. В первую очередь, это касается классификации вызовов и целей субъектов на международной арене, а также анализа механизмов формулирования последних. Работа над этими проблемами, наравне с применением высказанных теоретических наблюдений в рамках прикладного политического анализа, задает одно из возможных направлений, по которому должна проходить проверка, верификация этой гипотезы.

Список литературы

- Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 36–46.
- Гидденс Э. Устроение общества. Очерки теории структурации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
- Давыдов Ю.П. «Понятие жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. № 4. С. 69–80.
- Кондратов А.И. Международное поведение государств // Международные процессы. 2011. № 2. С. 93–99.
- Королев В.А., Владимирова А.В., Трунина А.А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 209–228.
- Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 2. С. 80–89.
- Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 3. С. 18–28.
- Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 4. С. 27–40.
- Най Д.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 448 с.
- Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
- Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 14–21.
- Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России; ИМИ МГИМО (У) МИД России, Центр глобальных проблем. М.: МГИМО-Университет, 2013. 38 с.
- Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.
- Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 9. С. 9–18.
- Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект-Пресс, 2015.
- Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 134–163.
- Baldwin D.A. Paradoxes of power. New York: Basil Blackwell, 1989. 223 p.
- Baldwin D.A. Power and international relations / Handbook of International Relations // ed. by Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. London: SAGE Publ., 2013. P. 273–297.
- Dahl R.A. Modern political analysis. Prentice-Hall, 1963. 118 p.
- Lasswell H.D., Kaplan A. Power and society: a framework for political inquiry. New Haven: Yale University Press, 1950. 295 p.
- Mattern J.B. The concept of power and the (un)discipline of international relations / The Oxford handbook of International Relations // ed. by Reus-Smit C., Sindal D. New York: Oxford University Press, 2008. P. 691–698.
- Morgenthau H.J. Politics among nations: the struggle for power and peace. New York: Knopf, 1967. 615 p.
- Nagel J.H. The descriptive analysis of power. New Haven: Yale University Press, 1975. 200 p.
- Sprout H., Sprout M. Foundations of national power: readings on World Politics and American security. Princeton: Princeton University Press, 1945. 774 p.
- Waltz K. Theory of international politics. London: Addison-Wesley Pub., 1979. 251 p.
- Wendt A. The agent-structure problem in international relations theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 335–370. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/5002081830002751X>
- Wolfers A. Discord and collaboration: essays on international politics. Baltimore: John Hopkins University Press, 1962. 289 p.

A SYSTEMIC APPROACH TO “SOFT POWER”

NIKOLAI YUDIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Abstract

The notion of “power” is one of the key and, at the same time, one of the most controversial in the theory of international relations. The introduction of the conception of “soft power” by J.S. Nye and the scholarly discussions to follow only aggravated the situation of terminological inexactitude, virtually bringing it to the brink of epistemological relativism. The paper attempts to lay down the general framework of a system definition of “soft power”. The definition which would allow, on the one hand, to draw a line between “soft power” and “hard power” and, on the other, to show their intrinsic interdependence within foreign policy activities of an actor on the international scene.

The first section of the paper examines two main approaches to the definition of power, its nature and essence, developed in the Western political science – a resource-oriented and context-oriented (relational) approach. The author highlights the strengths and weaknesses of both and comes to the conclusion, that the latter possesses a higher epistemological potential regarding foreign policy analysis.

In the second section of the paper the author specifies and develops conceptual basics of the context-oriented approach and outlines the prospects to overcome its main setback: theoretically infinite process of the context specification. The author emphasizes the goal-directed character of actors’ behavior on the international scene and, following this line of reasoning, formulates the definition of “soft power” as a specific form of power interaction, aimed at achieving long-term, strategic goals through indirect influence on the response unit, represented by wide sections of the population, specific social groups within it or the structure of international relations in general. The author also stresses the irreducibility of power of an actor to its resources and the inconsistency of the idea of the existence of some special “soft power resources”.

The final section of the paper summarizes the key points of the author’s concept and outlines the main directions of its development and verification.

Keywords:

theory of international relations; “soft power”; “hard power”; national interests; context-oriented approach; resource-oriented approach; system approach; J.S. Nye.

References

- Baldwin D.A. (1989). *Paradoxes of power*. New York, Basil Blackwell. 223 p.
- Baldwin D.A. (2013). Power and international relations. In Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A. *Handbook of International Relations*. London, SAGE Publ.: 273–297.
- Baykov A.A. (2014). «Myagkaya moshch» Evropeiskogo soyuza v global'nom silovom ravnovesii: evrorossiiskii trek [The EU soft power in the global equilibrium]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, № 2 (35): 36–46.
- Dahl R.A. (1963). *Modern political analysis*. Prentice-Hall. 118 p.
- Davydov Yu.P. (2004). Ponyatie «zhestkoi» i «myagkoi» sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [The notion of “hard” and “soft” power in theory of international relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 2, № 1 (4): 69–80.
- Filimonov G.Yu. (2013). Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii [Current issues in the formation «soft power» strategy in the foreign policy of the Russian Federation]. *Zakon i pravo*, № 9: 9–18.
- Giddens E. (2005). *Ustroenie obshchestva. Ocherki teorii strukturatsii* [The constitution of society: outline of the theory of structuration]. Moscow. Akademicheskii proekt. 528 p.

The article was conducted within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for the state support of leading scientific schools of the Russian Federation (NSh–2427.2014.6).

- Khrustalev M.A. (2015). *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza* [International political analysis]. Moscow, Aspekt-Press.
- Kondratov A.I. (2011). *Mezhdunarodnoe povedenie gosudarstv* [International conduct of a state]. *Mezhdunarodnye protsessy*. № 002: 93–99.
- Korolev V.A., Vladimirova A.V., Trunina A.A. (2014). Stranovoi brending i ego otrazhenie v global'nykh reitingakh «myagkoi sily» [Country branding and soft power global ratings]. *International organisations research journal*, vol. 9, № 2: 209–228.
- Lasswell H.D., Kaplan A. (1950). *Power and society: a framework for political inquiry*. New Haven, Yale University Press. 295 p.
- Leonova O.G. (2015). *Interpretatsiya ponyatiya «myagkaya sila» v nauke* [Approaches to the analysis of "soft power" in the Russian political science]. *Obozrevatel' – Observer*, № 2: 80–89.
- Leonova O. (2014). «Myagkaya sila»: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya ["Soft power": the tools and the influence coefficients]. *Obozrevatel' – Observer*, № 3: 18–28.
- Leonova O. (2013). Myagkaya sila – resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft Power as a Foreign Policy Resource]. *Obozrevatel' – Observer*, № 4: 27–40.
- Mattern J.B. (2008). The concept of power and the (un)discipline of international relations. In Reus-Smit C., Sindal D. *The Oxford handbook of International Relations*. New York, Oxford University Press: 691–698.
- Morgenthau H.J. (1967). *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York, Knopf. 615 p.
- Nagel J.H. (1975). *The descriptive analysis of power*. New Haven, Yale University Press. 200 p.
- Nye J.S. 2014. *Budushchee vlasti* [The future of power]. Moscow, AST. 448 p.
- Panova E.P. (2010). Sila privilekatel'nosti: Ispol'zovanie "myagkoi vlasti" v mirivoi politike [The power of attraction: The use of "soft power" in world politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, № 4: 91–97
- Parshin P.B. (2014). Dva ponimaniya «myagkoi sily»: Predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two understandings of "soft power": prerequisites, correlates and consequences]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, № 2 (35): 14–21.
- Parshin P.B. (2013). *Problematika «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii* [Soft power in Russia's foreign policy]. Moscow, MGIMO–Universitet. 38 p.
- Rusakova O.F. (2010). Kontsept «myagkoi» sily (soft power) v sovremennoi politicheskoi filosofii [The concept of "soft power" in contemporary political philosophy]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, iss. 10: 173–192.
- Sprout H., Sprout M. (1945). *Foundations of national power: readings on world politics and American security*. Princeton, Princeton University Press. 774 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of international politics*. London, Addison–Wesley Pub. 251 p.
- Wendt A. (1987). The agent–structure problem in international relations theory. *International Organization*. Vol. 41. № 3: 335–370. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/5002081830002751X>
- Wolfers A. (1962). *Discord and collaboration: essays on international politics*. Baltimore: John Hopkins University Press. 283 p.
- Yudin N.V. (2014). Zhestkii vzglyad na «myagkuyu silu». Kriticheskii analiz monografii Dzh. Naya «Budushchee vlasti» [Hard look at soft power: critical reflections on "The future of power" by Joseph S. Nye]. *Moscow University Journal of World Politics. Series 25. International Relations and World Politics*, № 2: 134–163.